

Московский соперникъ Художественнаго театра—театръ Свободный далъ зрѣлище, отъ котораго трудно опомниться. Шла оперетка «Елена Прекрасная». Есть «Фаустъ на изнанку», и вотъ, въ постановкѣ Свободнаго театра получилась новая оперетка «Прекрасная Елена» «шиворотъ на выворотъ», по народной поговоркѣ. Это удивительное представлѣніе знаменуетъ многое. Оно, во-первыхъ, даетъ понятіе объ искусствѣ режисеровъ этого театра не только подражать гг. Станиславскому и Немировичу, но и превосходить ихъ. Но бѣда въ томъ, что, по моему, шествовать по одной дорогѣ съ Художественнымъ театромъ по части искаженія пьесъ — дѣло плохое, искусство унижающее.

Что надѣлали въ Свободномъ театрѣ съ «Прекрасной Еленой»,—просто не поддается описанію. Въ первомъ актѣ древніе Греки хотя и носили подобающіе костюмы, но говорили «вещи невозможныя»: раздавались рѣчи о субсидіи, о союзѣ 17 октября, о юбилейныхъ маркахъ, подлежащихъ изъятію, объ эсъ-эрахъ, о казенной службѣ и т. д. Не хватало только дѣла Бейнуса!

Второй актъ... вообразите такую картину: черезъ всю стѣну тянется кровать; фонъ затянуть гобеленомъ; La belle Hélène лежитъ... въ костюмѣ времени Людовика XV, прямо—гжа Помпадуръ, а не прекрасная Елена! Появляются: Ахиллъ—Французскимъ придворнымъ, Калхасъ—въ костюмѣ католическаго епископа (это вызвало смѣхъ). На огромной постели проходятъ всѣ сцены акта: объясняется въ любви съ Еленой Парисъ, одѣтый въ костюмъ французскаго щеголя, въ рыжемъ парикѣ; играютъ въ кости, дерутся, давятъ подушками царя Менелая, одѣтаго ужъ Богъ знаетъ въ чемъ: въ какомъ-то веленомъ халатѣ и бѣломъ поварскомъ беретѣ... И все это сдабривается ужасной отсебятиной: говорятъ французскія фразы и, кстати сказать, поютъ текстъ оперетки въ новомъ и очень гадкомъ переводѣ. Напримѣръ, Елена, прежде пѣвшая куплетъ «Cascadez, cascadez la vertu!»—«Наша честь кувыркомъ, кувыркомъ полетитъ!»—въ Свободномъ театрѣ спрашиваетъ боговъ, почему имъ нравится женскую честь—

«Истребить, изсушить, искрошить!»

Вообще, новый переводъ безвкусенъ и не нуженъ, разъ есть старый, къ которому привыкли любители оперетки.

Но все это цвѣточки. Ягодки—въ третьемъ актѣ. На сценѣ великолѣпная карусель: на лошадакахъ ѣдутъ греческія дѣвы, Парфенисъ и Леона, одѣтыя въ костюмы франтихъ нашихъ дней; съ ними Орестъ... въ формѣ лиценста! Карусель двигается: вмѣсто лошадей ванна (!!)—и Елена Прекрасная моетъ супруга Менелая... не всего моетъ, а только голову. Полное омовеніе Менелая

совершилъ потомъ Калхасъ, одѣтый во что-то черное... Появились—Агамемнионъ въ мундирѣ русскаго сановника, причемъ Калхасъ именовалъ его «ваше предательство» (остроуміе, подумаешь!), Аяксы, одѣтые «пшютами», и т. д. Карусель, при открытіи занавѣса, публика встрѣтила аплодисментами, но игрѣ и цѣлымъ фонтанамъ собственныхъ дополнительныхъ словъ не посочувствовала. Какъ зрѣлище, «Прекрасная Елена» ничто красивое и оригинальное. Исполненіе не изъ удачныхъ. Второй дебютъ театра—противоположность первому. Не было того успѣха, какимъ ознаменовалась «Сорочинская ярмарка».